

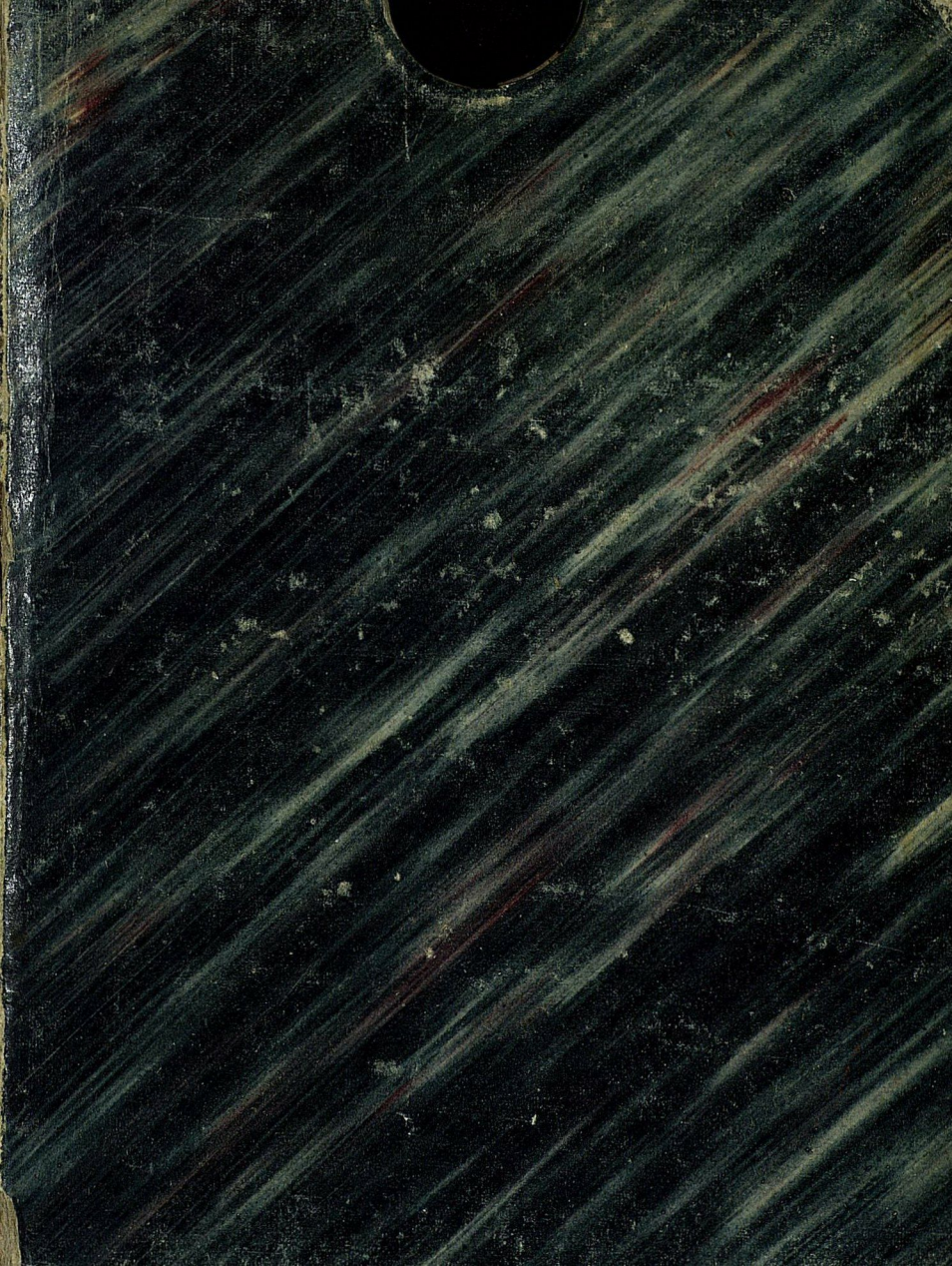
БАСНИ КРЫЛОВА

ВЪ ДѢЙСТВІИ

ИЗДАНЫ

ПЕТР. БАБИНЫМЪ.

ош. 58768
1868

6225/34

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ
БАХРУШИНА

БАСНИ КРЫЛОВА

ВЪ ДѢЙСТВІИ.

РИСОВАНЫ И ИЗДАНЫ

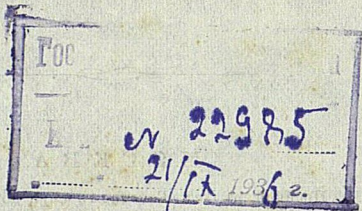
ПЕТРОМЪ БАБИНЫМЪ.

МОСКВА.

Типографія М. Нейбургеръ, въ Газетномъ пер., домъ Шаблыкина, въ Москвѣ.

1869.

Дозволено цензурою. Москва, октября 4 дня 1869 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Крестьянинъ и Змѣя	3
Скупой и Курица	5
Госпожа и двѣ Служанки	7
Откупщикъ и Сапожникъ	10
Демьянова Уха	16
Волкъ и Котъ	19
Мыши	22
Хозяинъ и Лисица	25
Мѣшокъ	27
Крестьянинъ и Змѣя	31

Иркутский и Забайкальский

Сибирский и Енисейский

Томский и Алтайский

Оренбургский и Самарский

Ташкентский и Ферганский

Восточный и Западный

Средний

Харьковский и Киевский

Минский

Восточный и Западный

Крестьянинъ и Змѣя.

Къ Крестьянину вползла Змѣя,

И говорить: „Сосѣдъ! начнемъ жить дружно!

Теперь меня тебѣ стеречься ужъ не нужно:

Ты видишь, что совсѣмъ другая стала я,

И кожу нынѣшней весной перемѣнила.“

Однако жъ Мужика Змѣя не убѣдила.

Мужикъ схватилъ обухъ.

И говорить:—„Хоть ты и въ новой кожѣ,

Да сердце у тебя всё то же.“

И вышибъ изъ сосѣдки духъ.

Когда извѣриться въ себѣ ты дашь причину;
Какъ хочешь, ты мѣняй личину:
Себя подъ нею не спасешь,
И что съ Змѣей, съ тобою случиться можетъ то жъ.

Скупой и Курица.

Скупой теряет, все, желая все достать.

Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать,

Хоть есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ;

Да рыться лѣнь; такъ я намѣренъ

Вамъ басню старую сказать.

Вотъ, что въ ребячествѣ читалъ я про Скупаго.

Былъ человекъ, который никакого

Не зналъ ни промысла, ни ремесла,

Но сундуки его полнѣли очевидно.

Онъ Курицу имѣлъ (какъ это не завидно!),

Которая яйца несла,
Но не простыя,
А золотыя.

Иной бы и тому былъ радъ,
Что понемногу онъ становится богатъ;
Но этого Скупому мало:
Ему на мысли вспало,
Что, взрѣзавъ Курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ.
И такъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее зарѣзалъ онъ. И что же? Въ возданье
Онъ вынулъ изъ нея простые потроха.

Госпожа и двѣ Служанки.

У Барыни, старушки кропотливой.

Неугомонной и брюзгливой,

Двѣ были дѣвушки, Служанки, коихъ часть

Была съ-утра и до глубокой ночи,

Рукъ не покладывая, прасть.

Не стало бѣднымъ дѣвкамъ мочи:

Имъ будни, праздникъ—всё равно;

Нѣтъ угомона на старуху;

Днемъ перевести она не дастъ за пряжей духу;

Зарей, гдѣ спать еще, а ужъ у нихъ давно

Пошло плясать веретено.

Быть-можетъ, иногда-бъ, старуха опоздала,

Да въ домъ томъ проклятый былъ пѣтухъ:

Лишь онъ вспоетъ — старуха встала,
Накинетъ на себя шубейку и треухъ,
У печки огонёкъ вздуваетъ,
Бредетъ, ворча, къ прядильщицамъ въ покой;
Расталкиваетъ ихъ костявою рукой,
А заупрямется, — клюкой,
И сладкій на зарѣ ихъ сонъ перерываетъ.
Что будешь дѣлать съ ней?
Бѣдняжки морщатся, зѣваютъ, жмутся,
И съ теплою постелею своей,
Хотя не хочется, а расстаются;
На-завтрее опять, лишь прокричитъ пѣтухъ,
У дѣвушекъ съ хозяйкой сказка та же:
Ихъ будятъ и морятъ на пряжѣ.
„Добро же ты, нечистый духъ!“
Сквозь зубы пряжи тѣ на пѣтуха ворчали:

„Безъ пѣсень бы твоихъ мы, вѣрно, болѣ спали;
Ужъ надъ тобою быть грѣху!“

И, выбравши случай, безъ сожалѣнья,
Свернули дѣвушки головку пѣтуху.
Но что жъ? Онѣ себѣ тѣмъ ждали облегченья;
Анъ въ дѣлѣ вышелъ оборотъ,
Совсѣмъ не тотъ:

То правда, что пѣтухъ ужъ болѣ не поѣтъ —
Злодѣя ихъ не стало:
Да, Барыня, боясь, чтобъ время не пропало,
Чуть лягутъ, не даетъ почти свести имъ глазъ,
И рано такъ будить ихъ стала всякій разъ,
Какъ рано пѣтухи и съ-роду не пѣвали.

Тутъ поздно дѣвушки узнали,
Что изъ огня они, да въ полымя попали.

Откупщикъ и Сапожникъ.

Богатый Откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ,
Блѣ сладко, вкусно пилъ;
По всякій день давалъ пиры, банкеты,
Сокровищъ у него нѣтъ смѣты.
Въ дому сластей и винъ, чего ни пожелай:
Всего съ избыткомъ, черезъ край.
И словомъ, кажется, въ его хоромахъ рай.
Однимъ лишь Откупщикъ страдаетъ.
Что онъ не досыпаетъ,
Ужъ Божьяго ль боится онъ суда,
Иль, просто, труситъ раззориться:

Да толь все ему не крѣпко какъ-то спится.

А сверхъ-того, хоть иногда
Онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая бѣда.

Богъ даль ему пѣвца, сосѣда.

Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣднякъ
Сапожникъ, но такой пѣвунъ и весельчакъ,

Что съ утренней зари и до обѣда,

Съ обѣда дѣ-ночи безъ-умолку поетъ

И богачу заснуть никакъ онъ не даетъ.

Какъ быть, и какъ съ сосѣдомъ сладить,

Чтобъ отъ пѣнья его отвадить?

Велѣтъ молчать: такъ власти нѣтъ;

Просилъ: такъ просьба не беретъ.

Придумалъ наконецъ, и за сосѣдомъ шлетъ.

Пришелъ сосѣдъ.

„Пріятель дорогой, здорово!“

— „Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово.“

— „Ну, чтò, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?“
(Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ.)

— „Дѣлишки, баринъ? Да, не худо!“

— „Такъ отъ того-то ты такъ веселъ, такъ поешь?

Ты, стало, счастливо живешь?“

— „На Бога грѣхъ роптать, и чтò жъ за чудо?

Роботою заваленъ я всегда;

Хозяйка у меня добра и молода:

А съ доброю женой, кто этого не знаетъ,

Живется какъ-то веселѣй.“

— „И деньги есть!“ — „Ну, нѣтъ, хоть лишнихъ
не бываетъ:

Зато нѣтъ лишнихъ и затей.“

— „И такъ, мой другъ, ты быть богаче не желаешь?“

— „Я этого не говорю;

Хоть Бога и за то, что есть, благодарю:

Но самъ ты, баринъ, знаешь,

Что человѣкъ, пока живетъ,

Всё хочетъ болѣе: таковъ ужъ здѣшній свѣтъ.

Я чай, вѣдь и тебѣ твоихъ сокровищъ мало;

И мнѣ бы быть богатѣй не мѣшало.“

—,,Ты дѣло говоришь, дружокъ:

Хоть при богатствѣ намъ есть также непріятства,

Хотя говорятъ, что бѣдность не порокъ;

Но все ужъ коль терпѣть, такъ лучше отъ богатства.

Возьми же: вотъ тебѣ рублевиновъ мѣшокъ:

Ты мнѣ за правду полюбился.

Поди: дай Богъ, чтобъ ты съ моей руки разжился.

Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги,

И къ нуждѣ ихъ ты береги!

Пять сотъ рублей тутъ вѣрнымъ счетомъ.

Прощай!“ Сапожникъ мой,
Схватя мѣшокъ, скорѣй домой
Не бѣгомъ, лѣтомъ;

Примчалъ гостинецъ подъ полой;
И той же noci въ подземельѣ

Зарылъ мѣшокъ—и съ нимъ свое веселье!

Не только пѣсенъ нѣтъ, куда дѣвался сонъ
(Узналъ безсонницу и онъ!);

Все подозрительно, и все его тревожить:

Чуть ночью кошка заскребеть,
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ:
Похолодѣетъ весь, и ухо онъ приложить.

Ну, словомъ, жизнь пошла, хотъ кинуться въ рѣку.

Сапожникъ бился, бился,

И наконецъ за умъ хватился:

Бѣжить съ мѣшкомъ къ Откупщику,

И говорить: „Спасибо на пріятствѣ;
Вотъ твой мѣшокъ, возьми его назадъ:
Я до него не зналъ, какъ худо спять.

Живи ты при своемъ богатствѣ;

А мнѣ, за пѣсни и за сонъ,

Не надобенъ ни миллионъ.“

Демьянова Уха.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!

Пожалуй-ста покушай.“

— „Сосѣдушка, я сытъ по горло.“ — „Нужды нѣтъ,

Еще тарелочку; послушай:

Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!“

— „Я три тарелки съѣлъ.“ — „И, полно, что за счеты;

Лишь стало бы охоты,—

А то во здравье: ѣшь до дна!

Что за уха! Да, какъ жирна:

Какъ-будто янтарею подернулась она.

Потѣшь же, миленькій дружочекъ!

Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
 Еще хоть ложечку; Да кланяйся жена!“
 Такъ подчиваль сосѣдъ, Демьянъ сосѣда Фоку,
 И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;

А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.

Однако же еще тарелку онъ беретъ:

Сбирается въ послѣдней силой,

И, очищаетъ всю: „Вотъ друга я люблю!“

Вскричалъ Демьянъ: „зато ужъ чванныхъ не терплю.

Ну, слушай же, еще тарелочку, мой милой!“

Тутъ бѣдный Фока мой,

Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,

Схвата въ охапку

Кушакъ и шапку,

Скорѣй безъ памяти домой,

И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь,
Но если помолчать во время не умѣешь,

И ближняго ушей ты не жалѣешь:

То вѣдай, что твои и проза и стихи

Тошнѣ будутъ всѣмъ Демьяновой

Ухи.

Волкъ и Котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, но животъ спасая;
За шкуру онъ свою дрожалъ:
Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота—
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видитъ Волкъ мой, на заборѣ
Кота,
И молвить: „Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе,

Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?
Все это вѣдь за мной.“—„Проси скорѣй Степана;
Мужикъ предобрый онъ;“ Коть-Васька говоритъ:
—„То такъ; да у него я ободрала барана.“

—„Ну, попытайся жъ у Демьяна.“

—„Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:

Я у него унесъ козленка.“

—„Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ.“

—„Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съвесны грозитъ за ягненка!“

—„Ну, плохожъ!—Но авось тебя укроетъ Климъ!“

—„Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!“

—„Что вижу, кумъ! Ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ,“

Сказалъ тутъ Васька Волку:

„Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?

Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.

И правы,—самъ себя вини:

Что ты посѣялъ—то и жни.“

Мыши.

„Сестрица, знаешь ли, бѣда!“

На кораблѣ Мышь Мыши говорила:

„Вѣдь оказалась течь; внизу у насъ вода

Чуть нехватила

До самаго мнѣ рыла,

(А правда, такъ она лишь лапки замочила),

И что диковинки—нашъ капитанъ

Или съ похмѣлья, или пьянъ.

Матросы всѣ, одинъ лѣнивѣе другаго;

Ну, словомъ, нѣтъ порядку никакого.

Сейчасъ кричала я во весь народъ,

Что кб-дну нашъ корабль идетъ:

Куда!—Никто и ухомъ не ведетъ:

Какъ-будто бь ложныя я распускала вѣсти;

А ясно—только въ трюмъ лишь стѣить заглянуть,

Что кораблю часа не дотянуть.

Сестрица, неужли намъ гибнуть съ ними вмѣстѣ!

Пойдемъ же, кинемся скорѣе съ корабля;

Авось недалеко земля!“

Тутъ въ Океанъ мои затѣйницы спрыгнули

И—утонули;

А нашъ корабль, рукой искусною водимъ,

Достигнулъ пристани, и цѣль и невредимъ.

Теперь пойдутъ вопросы:

А что же капитанъ и течь, и что матросы?

Течь слабая, и та

Въ минуту унята;

А остальное — клевета.

Хозяинъ и Лисица.

Лиса Крестьянину однажды говорила:

„Скажи, кумъ милый мой,

Чѣмъ лошадь отъ тебя такъ дружбу заслужила,

Что, вижу я, она всегда съ тобой?

Въ довольствѣ держишь ты ее и въ холѣ;

Въ дорогу-ль — съ нею ты, и часто съ нею въ полѣ;

А вѣдь изъ всѣхъ звѣрей

Едва-ль она не всѣхъ глупѣй.“

— „Эхъ, кумушка, не въ разумѣ тутъ сила!“

Крестьянинъ отвѣчалъ: „Все это суета.

Цѣль у меня совсѣмъ не та:

Мнѣ нужно, чтобъ она меня возила,
Да чтобы слушалась кнута.“

МѢШОКЪ.

Въ прихожей на полу,
Въ углу,
Пустой МѢшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ
Онъ на обтирку ногъ нерѣдко помыкался;
Какъ-вдругъ
МѢшокъ нашъ въ честь попался.
И весь червонцами набить;
Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежитъ.
Хозяинъ самъ его лелѣетъ,
И бережетъ МѢшокъ онъ такъ,
Что на него никакъ

Ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха сѣсть не смѣетъ;

А сверхъ-того съ Мѣшкомъ
Весь городъ сталъ знакомъ.

Пріятель ли къ хозяину приходитъ,
Охотно о Мѣшкѣ рѣчь ласкову заводитъ,

А ежели Мѣшокъ открытъ,
То всякій на него умильно такъ глядитъ;

Когда же кто къ нему подсядетъ,
То, вѣрно, ужъ его потреплетъ, иль погладитъ.

Увидя, что у всѣхъ онъ сталъ въ такой чести,

Мѣшокъ завеличался,

Заумничалъ, зазнался,

Мѣшокъ заговорилъ, и началъ вздоръ нести;

О всемъ и рядить онъ, и судить:

И то не такъ,

И тотъ дуракъ,

И изъ того-то худо будетъ.
 Всѣ только слушаютъ его, разинувъ ротъ;
 Хоть онъ такую дичь несетъ,
 Что уши вянутъ;
 Но у людей, къ несчастью, тотъ порокъ,
 Что имъ съ червонцами Мѣшокъ
 Что ни скажи, всему дивиться стануть.
 Но долго-ль былъ Мѣшокъ въ чести и слылъ съ умомъ,
 И долго ли его ласкали?
 Пока всѣ изъ него червонцы потаскали;
 А тамъ онъ выброшенъ, и слуху нѣтъ о немъ.
 Мы басней никого обидѣть не хотѣли:
 Но сколько есть такихъ Мѣшковъ
 Между откупщиковъ,
 Которые нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли;
 Иль между игроковъ,

Которые у себя за рѣдкость рубль видали,
А нынѣ, пополамъ съ грѣхомъ, богаты стали;
Съ которыми теперь и графы и князья—
Друзья;

Которые теперь съ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играють за-просто въ бостонъ?
Велико дѣло — миллионъ!

Однако же друзья, вы столько не гордитесь!

Сказать ли правду вамъ тишкомъ:

Не дай Богъ если раззоритесь:

И съ вами точно такъ поступать, какъ съ Мѣшкомъ.

Крестьянинъ и Змѣя.

Мужикъ съ Змѣею подружился.

Извѣстно, что Змѣя умна:

Такъ вкралась къ Мужикѣ она,

Что ею только онъ и клялся и божился.

Съ-тѣхъ поръ всѣ прежніе пріятели, родня,

Никто къ нему ногой не побываетъ.

„Помилуйте,“ Мужикъ пеняетъ:

„За что вы всѣ покинули меня!

Иль угостить жена васъ не умѣла?

Или хлѣбъ-соль моя вамъ надоѣла?“

— „Нѣтъ,“ кумъ, Матвѣй сказалъ ему въ отвѣтъ:

„Къ тебѣ бы рады мы, сосѣдъ;

И никогда ты насъ (объ этомъ слова нѣтъ)

Не огорчилъ ничѣмъ, не опечалилъ:

Но что за радость, разсуди,

Коль сидя у тебя, того лишь и гляди,

Чтобы твой другъ кого, подползши, не ужалилъ?“

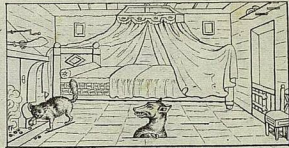
Когда почтенъ быть хочешь у людей,—

Съ разборомъ заводи знакомства и друзей!

I

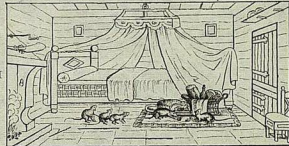
VI

II

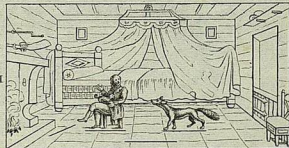
VII

III

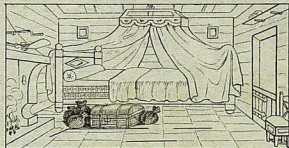
VIII

IV

IX

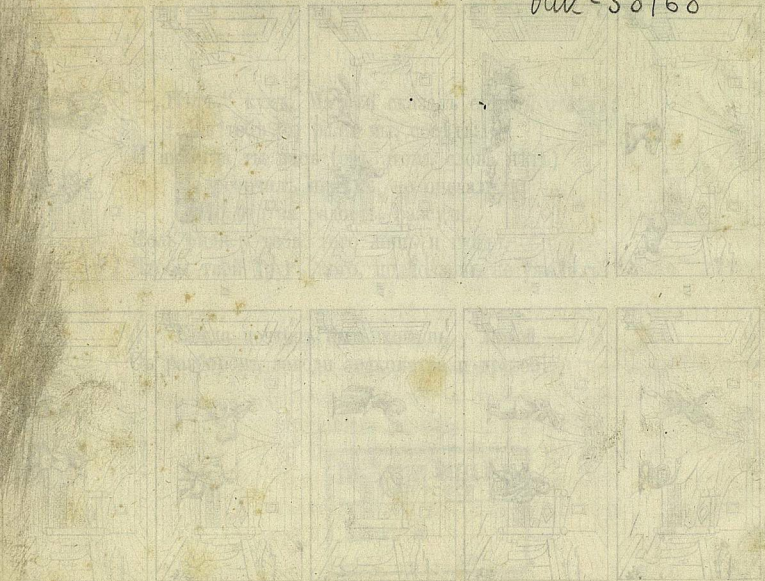
V

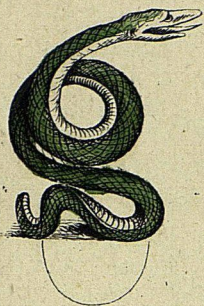

X

0ux-58168

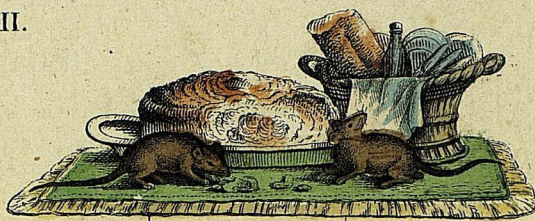

I.

II.

VII.

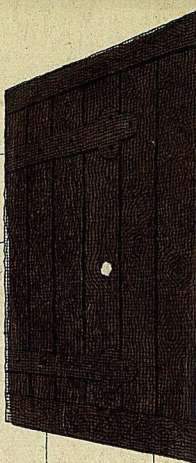
III.

VI.

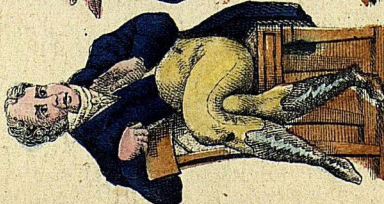
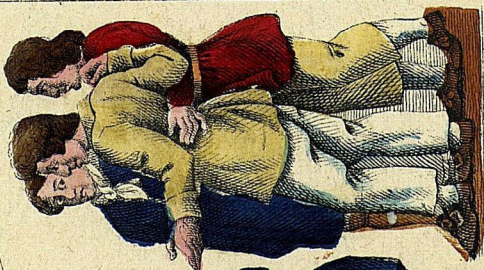
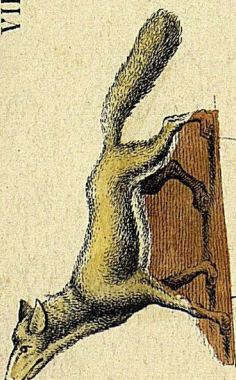
V.

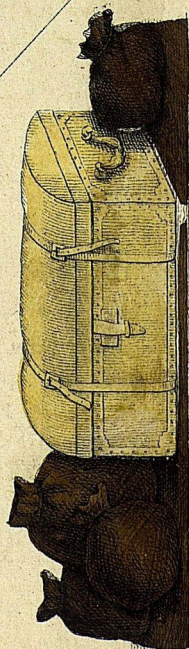
IV.

VIII.

X

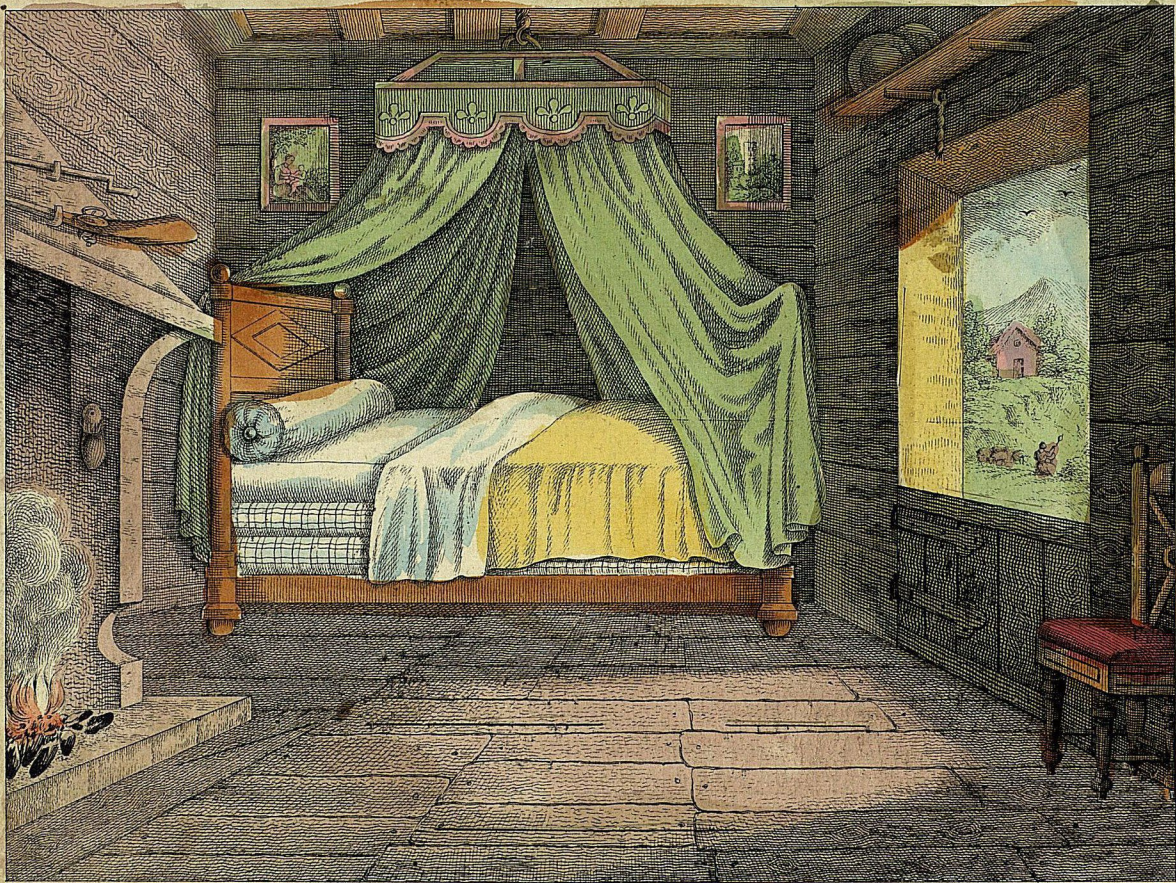

IX.

8 22 5
22
34

ошк-58168

Дет. необр.

our-58168